

ПИОНЕР

Март

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

3

Чудесное путешествие

Эрих Кестнер.

Перевод с немецкого.

Что произошло тридцатого февраля

Случилось это 30 февраля. Понятно, что в такой день дядю Рингельхута ничем нельзя было удивить. Случись это двумя—тремя днями раньше, — дело другое. Но 30 февраля человек должен быть готов к чему угодно. Как раз в этот день дядя Рингельхут был свободен. Он зашел в школу за своим племянником Конрадом, и теперь оба они мчались вдоль по Глассисштрассе. Конрад был мрачен. Но дядя не замечал этого: ему хотелось есть.

Однако позвольте познакомить вас и с дядей и с племянником.

Рингельхут — дядя Конрада с отцовской стороны. Он аптекарь. У него нет своих детей, он живет один. В свободные дни он забегает в школу за племянником и забирает его к себе. Они вместе обедают, болтают, пьют кофе, и мальчуган является домой только под вечер. У дяди Рингельхута некому готовить обед, поэтому они с Конрадом едят всегда самые невероятные вещи: ветчину со сбитыми сливками, копченую селедку с медом и даже вишневый пирог с английской горчицей. Английская горчица нравится им больше немецкой, потому что она гораздо острее и так здорово щиплет, что дух захватывает.

Когда, наконец, им становится невтерпез от такой еды, они высовываются из окна и так хохочут, что соседи только головами покачивают:

— Ну, кажется, аптекарь Рингельхут с племянником совсем с ума спятили.

Ну так вот, дядя с племянником бежали по Глассисштрассе. Наконец, дядя заметил, что Конрад не в духе. Едва только он успел спросить: «Ты чего нос повесил?»,

как кто-то дернул его за пиджак. Оба обернулись: перед ними стояла высокая черная лошадь.

Она вежливо попросила:

— Не найдется ли у вас, случайно, кусочка сахара?

Дядя с племянником отрицательно покачали головами.

— Ну, простите за беспокойство, — извинилась лошадь и приподняла свою соломенную шлягу.

Дяде Рингельхуту стало неловко:

— Может быть, хотите папиросу?

— Нет, спасибо, — вздохнула лошадь, — я не курю.

Она церемонно поклонилась, побежала рысцой к Альбертплацу и остановилась с унылым видом перед витриной гастрономического магазина.

«А надо бы эту конягу накормить, — подумал дядя, — она, видно, здорово проголодалась».

Потом он искоса взглянул на племянника и сказал:

— Что с тобой, Конрад? Ты что, оглох или ослеп?

— Мне задано сочинение о Южном океане... — мрачно произнес Конрад.

— О Южном океане! — воскликнул дядя. — Да, это скверная штука.

— Это ужасно, — сказал Конрад. — Всем, кто силен в математике, задано о Южном океане. Это нарочно так подстроили! Знают, что у нас никакого воображения. Остальные должны описать, как строится четырехэтажный дом. Это в тысячу раз легче, чем выдумывать про Южный океан!

— У тебя-то, брат, действительно нет никакого воображения,—сказал дядя Рингельхут.—Но ты забыл, что у тебя есть дядя. Мы состряпаем такой Южный океан, что учитель рот разинет.

Придя домой, они сразу накупились на еду. Аптекарь достал соленую рыбу с мармеладным гарниром, а затем мясной салат с малиновым вареньем.

— Спартанцы ели, не моргнув глазом, даже кровяной суп,—уверял дядя.—Ну, как тебе нравится обед?

— Очень хорошо, удивительная гадость,—сказал Конрад.

— Ну, ну, надо закаляться. Бывало, солдатом, я ел лапшу с селедкой, в студенческие годы—рисовую кашу с сахарином. Кто знает, что ожидает тебя впереди? Так что ешь, брат, пока желудок не станет луженым!

И он положил к рыбе еще немного мармелада.

Поев, они испугались, что им станет плохо, и высунулись из окна подышать свежим воздухом. Но ничего плохого не произошло.

Тогда дядя подсадил племянника на громадный книжный шкаф, и Конрад сделал там стойку на руках.

— Постой-ка так минутку,—сказал Рингельхут,—я сейчас.

Он приволок из спальни перину и разостлал ее перед шкафом. Потом скомандовал:

— Гоп-ля!

Конрад спрыгнул со шкафа на перину.

— Bravo!—закричал дядя, разбежался, перемахнул через стол, грохнулся об пол, и тут же они услышали внизу глухой стук.

— Это люстра Мюльбергов,—сказал дядя.

С минуту все было тихо.

— Должно быть, Мюльбергов дома нет,—заметил Конрад.

Тут кто-то позвонил. Мальчик побежал отпереть дверь и сейчас же влетел обратно.

— Там... эта черная лошадь,—прошептал он.

— Давай ее сюда!—крикнул дядя Рингельхут, и племянник впустил странную гостью.

Лошадь сняла соломенную шляпу и спросила:

— Разрешите?

— Конечно!—воскликнул дядя.—Садитесь, пожалуйста.

— Нет, я лучше постою,—сказала лошадь.—Не думайте, что я плохо воспита-

на, но мы, лошади, как-то не приспособлены для сидения.

— Как вам угодно,—сказал дядя.—Позвольте, однако, спросить, чему мы обязаны честью вашего визита?

Лошадь застенчиво посмотрела на обоих своими серьезными глазами.

— Вы оба мне сразу понравились,—сказала она.

— И вы нам тоже,—ответил Конрад.—Хотите сахара?

Не дожидаясь ответа, он выскочил в кухню, принес сахарницу, положил с полфунта сахара на ладонь, и лошадь, шлепнув губой, слизнула его без лишних разговоров. Затем она облегченно вздохнула:

— Эх, черт возьми, это был миг блаженства. Большое спасибо, друзья мои. Позвольте представиться. Меня зовут Негро Кабалло. Я выступала в цирке Саразани. Мой номер—роликовые коньки. Но недавно меня сократили, и я осталась без работы.

— Да, да,—сказал дядя Рингельхут,—я вижу, что у нас с лошадьми так же мало церемонятся, как и с людьми.

— А все эти проклятые автомобили!—с негодованием воскликнула Негро Кабалло.—Машины нас окончательно губят. Вы только подумайте, я готова была пойти хоть в извозчичьи лошади, а ведь я, как никак, лошадь с гимназическим образованием. Но даже председатель союза извозчичьих лошадей не смог меня устроить. А эта лошадь пользуется большим государственным влиянием! Впрочем, сама-то она, небось, ездит на собственном автомобиле!

— Да, уж если так, то действительно ваше дело дрянь,—сказал дядя Рингельхут, покачав головой.

— Какой вы милый,—растроганно сказала лошадь и так хлопнула его левой передней ногой по плечу, что оно затрещало.

— Ай! Ай!—взвыл Рингельхут.

Конрад погрозил лошади пальцем.

— Если вы мне угрожаете дядю,—сказал он,—вам придется иметь дело со мной!

Верхняя губа лошади поднялась так, что стали видны все ее огромные белые зубы, и она беззвучно рассмеялась. Потом, спохватившись, стала извиняться.

— Ничего, уже почти прошло,—сказал дядя Рингельхут, потирая ушибленное место.—Но в следующий раз, пожалуйста, будьте осторожней, дражайшая Негро Кабалло. Я ведь не лошадиной породы.

— Этого больше не повторится,—обе-

шала лошадь и, чтобы замять неловкость, сказала: — Да, вы знаете, я была лучшим бегуном на роликовых коньках из всех млекопитающих.

Разговаривая таким образом, все трое высунулись из окна. Но едва только лошадь посмотрела вниз, у нее закружилась голова, она поблдевала от страха и опустила веки. И только после того, как Конрад пристыдил ее, она медленно открыла глаза.

— Смотрите, не вывалитесь, — предупредил ее дядя Рингельхут. — Этого еще не доставало, чтобы из моего окна вываливались на улицу лошади.

Негро Кабалло смущенно оправдывалась:

— Знаете, нашему брату редко случается смотреть на улицу с третьего этажа. Теперь мне уже гораздо лучше. Но все же пустили бы вы меня в середку. Это будет как-то надежнее.

Лошадь встала между дядей и Конрадом, высунула голову далеко из окна и сожрала две фуксии и одну бегонию с балкона соседней. Цветочные же горшки она оставила нетронутыми только из приличия.

Внезапно на улице раздался страшный крик. Под окном стоял маленький круглый человечек. Он размахивал руками, топал жирными ножками и орал как ошпаренный.

— Что за безобразие! — визжал он. — Немедленно уберите лошадь из окна. Вы что, до сих пор не знаете правил? Не знаете, что вводить лошадей в квартиры строго воспрещается?

— Это еще кто? — спросил Конрад.

— Мой домохозяин, — ответил дядя Рингельхут. — Его зовут Клеменц Ваффельбрух.

— Вы мне еще за это ответите, — продолжал кричать толстяк, — вы еще уплатите Леманну за цветы, которые эта кляча нахально сожрала с его балкона. Понятно?

Дрожь пробежала по черной шкуре лошади... Кляча! Ну, ну, безнаказанно оскорблять себя она не позволит! Она схватила с балкона один из цветочных горшков и бросила его прямо вниз. Горшок угодил прямо на котелок разгневанного домохозяина. У господина Клеменца Ваффельбруха подогнулись колени. Он растерянно взглянул наверх и произнес с дрожью в голосе:

— Ах, так!

С этими словами он скрылся в под'езде.

— Ну, этот скандалист вовремя убрался, — сказала лошадь, — нето я перешвы-

—...нашему брату редко случается смотреть на улицу с третьего этажа.

ряла бы ему на голову по кусочкам весь балкон.

— Это, пожалуй, обошлось бы мне слишком дорого, — заметил дядя Рингельхут, — пойдемте-ка лучше в комнату!

Негро Кабалло весело заржала.

Они уселись за стол и стали непринужденно болтать.

Вдруг Конрад вскочил, подбежал к книжному шкафу, рванул дверцу, схватил толстую книгу с верхней полки, сел на ковер и стал взволнованно перелистывать страницы.

— Какая тебя муха укусила? — обернулся к нему дядя.

Конрад сидел на ковре, перелистывал книгу и молчал. Тогда Рингельхут обратился к лошади:

— Не можете ли вы своим копытом привести в чувство этого субъекта?

Лошадь подбежала к Конраду, схватила его зубами за шиворот и подняла его чуть ли не к потолку. Но Конрад ничего не замечал. Вися в воздухе он попрежнему внимательно перелистывал книгу.

— Никак не найду, дядя, — сказал он наконец.

— Чего?

— Да Южного океана, — ответил Конрад.

— Южного океана? — удивленно произнесла лошадь.

Как только она заговорила, зубы ее разжались, и Конрад так грохнулся на пол, что аптекарь подумал:

«Хорошо, что с люстрой Мюльбергов уже покончено».

— Но что же нам все-таки делать с этим океаном? — сказал он вслух и обернулся к лошади: — Дело в том, что мой племянник должен к завтрашнему дню написать сочинение о Южном океане.

— Только из-за того, что хорошо знаю математику, — недовольно проворчал Конрад.

Лошадь на минутку задумалась, потом спросила дядю:

— А вы сегодня свободны?

— Ну, конечно, — сказал Рингельхут, — сегодня у меня в аптеке ночная работа.

— Превосходно! — воскликнула Негро Кабалло. — Тогда давайте сейчас же и отправимся.

— В аптеку? — в один голос спросили дядя и племянник.

— В какую там аптеку, — ответила лошадь, — на Южный океан, разумеется.

Она подбежала рысцей к телефону, сняла трубку, назвала номер и сказала:

— Алло! Бюро путешествий для цирковых лошадей? Мне нужно лично переговорить с Великаншей. Ах, это вы? Ну, как дела? Грива седеет? Да, да, годы уходят. Вот что: скажите-ка, как мне кратчайшим путем попасть на Южный океан? Я хочу вернуться к вечеру. Бросьте, Великанша, не рассказывайте мне сказок. Где я сейчас? Иоганн-Мейерштрассе, 13, у аптекаря

Рингельхута. Что? Ого, вот это здорово! Ну, большое спасибо, дорогая!

Лошадь трижды заржала на прощание, положила трубку, повернулась и спросила:

— Господин Рингельхут, не стоит ли у вас в коридоре большой резной шкаф? Старинный шкаф 15-го столетия?

— А хоть бы и так? — сказал Рингельхут. — Что общего между этим шкафом и Южным океаном?

— А вот что. Нужно залезть в этот шкаф и оттуда все время идти напрямик. Максимум через два часа мы будем на Южном океане.

— Не морочьте, пожалуйста, мне голову, — взмолился дядя Рингельхут.

Но Конрад уже вылетел в коридор, распахнул скрипучие дверки стоявшего там большого старинного шкафа, влез в него... и... был таков.

— Конрад! — закричал дядя. — Конрад! Ах ты, дрянной мальчишка!

Но дрянной мальчишка не отзывался.

— С ума можно сойти, — проворчал дядя. — Почему этот олух не отвечает?

— Он, наверное уже в дороге, — сказала лошадь.

Тогда дядя не выдержал. Он бросился к шкафу, заглянул в него и воскликнул:

— Что за дьявол! Куда же девалась задняя стенка?

Лошадь сказала с укоризной:

— И не к чему было сомневаться. Влезайте же туда скорей!

— Нет уж сперва вы, — предложил аптекарь. — Вы ведь гостья.

Лошадь просунула передние копыта в шкаф. Дядя Рингельхут принялся изо всех сил проталкивать ее. Наконец, она скрылась в шкафу. Тогда дядя, крихтя и охая, полез за ней.

— И чем все это кончится... — недовольно пробормотал он.

Страна лентяев

В шкафу дядя Рингельхут обо что-то споткнулся. Оказалось, что это была старая трость. Он захватил ее с собой. «Южный океан далеко, — подумал Рингельхут, — мало ли что может случиться?..» Сломя голову он кинулся в темноту. Он бежал по какой-то призрачной дороге, каким-то коридором, среди высоких мрачных стен. Вдруг стены расступились и дядя очутился в лесу.

Но что это был за лес! Вместо деревьев там были колокольчики, ирисы, розы, громадные как столетние дубы. Они сверкали на солнце всеми цветами радуги и мелодично позванивали, раскачиваясь под легким ветерком.

Дядя Рингельхут метался среди этих гигантских цветов и кричал:

— Ау! Конра-ад! Ау-у-у! Где ты? Наконец, он догнал обоих.

Дядя вскарабкался на спину Негро Кабалло, сцепился руками в Конрада и они поехали.

Негро Кабалло стояла перед огромной фиалкой и обглядывала ее листья. А Конрад сидел верхом на лошади и грыз свои ногти, ожидая пока она наестся.

— С ума можно сойти! — воскликнул дядя и вытер со лба пот носовым платком. — Просто с ума можно сойти!

Ему никто не ответил.

— С ума можно сойти! — упрямо повторил он. — Бросили меня, удрали неизвестно куда и, наконец, затащили в какой-то, ни на что не похожий лес.

— А что, теперь уж недалеко до Южного океана? — спросил Конрад.

— Вынь палец из рта, когда разговариваешь со взрослыми! — прикрикнул на него дядя.

Конрад вытер палец о штаны и стал внимательно рассматривать его, точно увидал в первый раз в жизни.

— Не стесняйтесь, садитесь на меня, — пригласила лошадь. — Сейчас поедем, только вот дождю этот листок.

Дядя вскарабкался на спину Негро Кабалло, сцепился руками в Конрада, и они поехали.

Наевшись, лошадь пришла в такое хоро-

шее настроение, что даже стала декламировать стихи Гете:

— «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой».

Конрад невежливо перебил ее:

— Чепуха это, я вовсе не сын, а племянник.

А дядя Рингельхут, которому полагалось бы лучше знать литературу, заметил:

— Какая тут мгла? Вечно вы преувеличиваете. Прибавьте-ка лучше шагу.

— Есть, капитан, — насмешливо заржала лошадь и так поскакала через лес, что малиновое варенье и мясной салат подняли бунт в желудках обоих всадников.

Конрад зажмурился и изо всех сил вцепился в развевавшуюся гриву, а дядя, в свою очередь, крепче вцепился в Конрада, и оба думали про себя: «Хоть бы уж поскорее доехать».

Вдруг лошадь остановилась.

— Ну что там еще? — спросил Конрад, приоткрывая глаза.

Они стояли, уткнувшись в деревянный забор. На заборе висела вывеска, а на ней было написано огромными буквами:

**«СТРАНА ЛЕНТЯЕВ!
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ!
ДЕТЯМ СКИДКА!»**

Дядя Рингельхут осторожно слез с лошади, внимательно осмотрел забор, еще раз прочитал вывеску и, наконец, произнес:

— Вот так штука!

— А что? — спросила лошадь.

— Да ведь входа-то нет.

Действительно, в заборе не было никаких признаков калитки.

Конрад встал на спину лошади, ухватился за край забора и хотел подтянуться, но Рингельхут удержал мальчугана за ноги.

— Чудак ты этакий, — сказал он, — неужели ты думаешь, что в эту страну попадают через забор! Ведь там, наверное, живут такие лодыри, каких свет не видал. Что же, они будут через забор лазить?

Но мальчишка крепко вцепился в край забора и стал подтягиваться.

— Я только загляну, — сказал он.

Вдруг, откуда ни возьмись, из-за забора появилась огромная рука и наградила Конрада такой затрещиной, что он покатился на траву, под ноги лошади.

— Что, заработал на орехи? — злорадствовал дядя. — В другой раз не суйся, куда не следует.

Потом, прислонившись к дереву, он сказал громко, чтобы его могли слышать за забором:

— Если эти чудаки воображают, что мы собираемся лезть к ним через забор, то они жестоко ошибаются.

Потом он громко зевнул и продолжал ворчливым тоном:

— Не поспать ли нам здесь немножко.

Едва он успел произнести эти слова, как в заборе появилась калитка.

— Входите, — услышали они.

Они вошли. Первое, что им бросилось в глаза, была огромная кровать. В кровати лежал толстяк и ворчал:

— Шатаются тут бестолку... Ну, чего вам надо?

— Мы едем к Южному океану, — ответил дядя.

— Все время напрямик, — сказал толстяк, повернулся на другой бок и захрапел «во всю ивановскую».

— Вы долго еще будете храпеть? — спросил его Рингельхут.

Но толстяк или крепко спал или просто поленился ответить.

Конрад огляделся. Они находились в фруктовом саду.

— Посмотри-ка, дядя! — воскликнул он. — Здесь на одном дереве и вишни, и яблоки, и груши, и сливы!

Конрад облезил и оглядел со всех сторон диковинное дерево. Потом он позвал дядю и лошадь. К дереву был пристроен автомат с ручками и надписями:

«ПОТЯНУТЬ ЛЕВУЮ РУЧКУ ОДИН РАЗ — ОЧИЩЕННОЕ И НАРЕЗАННОЕ ЯБЛОКО».

«ПОТЯНУТЬ ЛЕВУЮ РУЧКУ ДВА РАЗА — КОМПОТ».

«ПОТЯНУТЬ ПРАВУЮ РУЧКУ ОДИН РАЗ — ВИШНЕВЫЙ ПИРОГ СО СБИТЫМИ СЛИВКАМИ».

— Вот это здорово! — сказал дядя и потянул два раза правую ручку. Раздался звонок, и с дерева спустилась тарелка с вишневым мармеладом. Тогда все трое принялись обрабатывать деревья. Самой прожорливой оказалась коняга.

Она дочиستا об'ела два дерева и все еще не могла успокоиться.

Дядя Рингельхут стал ее торопить. Но лошадь отмахнулась от него хвостом:

— Идите, идите, я вас догоню!

И дядя с Конрадом отправились вдвоем в глубь «страны лентяев».

Вдруг они услышали кудахтанье. Дорогу

перебегали куры. Они влокли за собой маленькие чистые сковородки.

Как только куры заметили людей, они сразу остановились, расправив крылья, уселись на сковородки. Вместо яиц под ними оказались готовые яичницы с ветчиной.

Конрад зашикал на них и замахал руками: он был сыт по горло. Куры шаркнулись в кустарник, утачив за собой сковородки.

— А что же тут не видно людей? — сказал мальчуган. — Неужели их здесь вообще нет?

— Ну, хоть немного, да, наверное, есть, — возразил дядя Рингельхут, — иначе для кого же эти автоматические деревья?

Дядя оказался прав. Вскоре за поворотом дороги они увидели дома. Дома эти стояли на колесах, и управлять ими можно было не вставая с постели. Кроме того на окнах спален были пристроены громкоговорители, и, когда два лодыря хотели побеседовать, они с'езжались и разговаривали, не видя друг друга, прямо через громкоговорители.

Дядя и племянник подкрались на цыпочках к двум таким домам, стоящим рядом, и услышали из громкоговорителей заспанные голоса.

— Дорогой президент, — говорил один громкоговоритель, — не скажете ли мне, какая, собственно говоря, у нас сегодня погода?

— Представления не имею, — ответил другой громкоговоритель. — Вот уже десять дней, как я не вставал с постели.

— Ну, — недовольно проворчал первый, — в окно-то вы могли бы все-таки выглянуть, если уж взялись быть у нас президентом.

— Отчего же вы сами не выглянете, дорогой Ганнеман?

— Я с третьего дня лежу лицом к стене, и мне, право, лень поворачиваться.

— Ну вот и мне тоже, дорогой Ганнеман!

— Гм, господин президент, в самом деле, не отказаться ли нам вообще от издания бюллетеня погоды?

— Мне тоже так кажется. До свидания, дорогой, спите спокойно!

— Желаю и вам того же, господин президент. Всего, всего!

Оба громкоговорителя зевнули, и дома снова от'ехали друг от друга.

— Давай-ка посмотрим, что это за президент такой, — предложил аптекарь, и они пошли за медленно катившимся президентским дворцом.

Дом доехал до фруктового сада и оста-

новился близ автоматических деревьев. Путники с любопытством заглянули в окно.

— Ух ты, какой жирный парень, — прошептал дядя.

— Вот так штука! — воскликнул Конрад. — Да ведь это наш толстяк Зейдельбаст!

— Ты знаешь президента этой страны?

— Так ведь Зейдельбаст учился в нашей школе. Он одиннадцать раз оставался на второй год. Такой это был удивительный лентяй. В третьем классе он женился и уехал из города. Говорили, что он хотел заняться сельским хозяйством. А, оказывается, вот он где! А мы-то и не знали, что он стал такой важной шишкой!

Затем Конрад постучал в окно и крикнул:

— Эй, Зейдельбаст!

Президент, раздутый как воздушный шар, с досадой перевалился на другой бок и недовольно проворчал:

— Ну, что там еще?

— Что же, ты не узнаешь старых товарищей? — сказал мальчуган.

Зейдельбаст открыл щелки глаз, едва заметные на запыленном лице, медленно улыбнулся и произнес:

— Это ты, Конрад? Как ты сюда попал?

Рингельхут приподнял шляпу и сказал, что он дядя Конрада и что они здесь только проездом по дороге к Южному океану.

— Я провожу вас до границы, — сказал Зейдельбаст, — вот только поем сперва немножко. Одну минуту, друзья мои.

Он запустил руку в ночной столик и вынул коробку с таблетками.

— Сперва чего-нибудь легонького на закуску, — вздохнул он, положил в рот белую пилюлю и нажал кнопку. На противоположной стене сейчас же появилась цветная картина, изображавшая сардины в масле, крутые яйца и студень.

— Теперь жареного гуся с хрустящей корочкой, — сказал, облизываясь, президент; он проглотил розовую пилюлю и снова нажал кнопку.

На стене появился жирный жареный гусь с печеными яблоками и салатом из огурцов.

— А на десерт фрукты в мороженом, — мечтательно продолжал Зейдельбаст, вынул из коробочки желтую пилюлю и в третий раз нажал одну из кнопок. На стене появился большой бокал с мороженым и персиками.

У Конрада слюнки потекли.

— Почему вы питаетесь пилюлями? — спросил дядя. Как аптекаря, это его, конечно, особенно заинтересовало.

— Иначе еда была бы слишком тяжелой, — объяснил президент. — А в виде таблеток да еще с помощью картин она так же вкусна и вызывает гораздо меньше хлопот.

Пока оба путешественника удивлялись такому способу еды, Зейдельбаст, кряхтя, вылез из кровати. Он был в одних трусиках. Все же остальные части костюма были просто нарисованы на его теле: рубашка, воротничок, галстук, куртка, штаны, чулки и ботинки.

— Что, хорошо? — спросил он. — Это — мое изобретение! Вечная одежда! Ни одевать, ни снимать, ни стирать не надо!

Переваливаясь с боку на бок, президент стал подвигаться к двери. Вздыхал, кряхтел, стонал и, наконец, вывалился из дому на траву.

Он приветливо потрепал по плечу прежнего школьного товарища и пожал руку дяде Рингельхуту.

— Я не могу отпустить вас в дальний путь, не показав нашей опытной станции, — произнес Зейдельбаст тоном радушного хозяина и медленно повел их по полю.

Небо заволочло тучами. Надо было ждать дождя.

— Уж лучше бы мне было взять зонтик вместо палки, — заметил дядя.

— Не огорчайтесь, — успокоил его Зейдельбаст. — Вы еще не знаете, какие сюрпризы вас тут ожидают.

И что же? При первых каплях дождя на лугу выросла дюжина высоких зонтиков на тонких стеблях. Под ними можно

В самом деле, перед одной из кроватей стоял двухголовый пестрый теленок.

— *Марш, марш назад!* — *скомандовала женщина.*

было переждать дождь или, сорвав зонтик, под его защитой продолжать путь. Все трое так и сделали: сорвали себе по зонту и пошли дальше.

— Не бойтесь, они сами завянут, как только кончится дождь, — успокаивал Зейдельбаст своих спутников, полагая, что они боятся лишней ноши.

И в самом деле, как только дождь перестал, зонтики сморщились как увядшие цветы. Президент бросил свой зонт в канаву, и гости последовали его примеру.

— Организованная мною опытная станция, — говорил Зейдельбаст, — предоставляет людям с живым характером и пылкой фантазией интересные и неутомительные развлечения. Но вот и станция! Милости просим, входите!

Они очутились на лужайке. Повсюду стояли кровати, а в кроватях лежали и жмурились толстяки.

— Стоит здесь что-нибудь себе представить, как задуманное появляется в действительности! — произнес Зейдельбаст. — Стоит только сказать: «Марш-марш назад!» — и все исчезает. Да вы сами увидите, как это интересно!

— Ну это враки, — заявил Конрад, — ты нас дурачишь, Зейдельбаст!

— Вот так штука! — перебил его дядя. — Посмотрите-ка! Теленок с двумя головами!

В самом деле, перед одной из кроватей стоял двухголовый пестрый теленок. Он выпучил все свои четыре глаза на толстяка, который его себе представил. А тот, глядя на теленка, глупо хихикал в подушку. Наконец, он поднял голову и крикнул:

— *Марш-марш назад!*

Теленок исчез.

Все трое пошли дальше и увидели лежащую на кровати толстую даму. От усиленных размышлений ее лоб был весь в

морщинах. Внезапно перед ней очутился какой-то старик с ботанической коробкой через плечо.

— *Марш-марш назад!* — с досадой проворчала она, и тот пропал.

Тогда она еще больше наморщила лоб и перед ее постелью снова возник старик с ботанической коробкой. Он был похож на первого. Только у него было меньше зубов и почти до плеч спадали длинные седые вьющиеся волосы.

— *Марш-марш назад!* — скомандовала женщина, и он тоже исчез.

Потом перед ней появился третий старик, похожий на первых двух. Но у него был гораздо длиннее нос, и он был лысым.

— *Марш-марш назад!* — сердито закричала дама и устало закрыла глаза.

— Что это вы делаете, госпожа Брюкнер? — спросил Зейдельбаст.

— Ах, господин президент, — ответила толстуха. — Я хочу увидеть своего дедушку, но никак не могу его себе представить. Я совсем забыла, как он выглядел!

— Не волнуйтесь, вам это вредно, — предупредил Зейдельбаст. — Вы и так уже много потеряли в весе. Вы весите теперь только 200 кило! Мне очень жаль, но вас надо было бы выслать из нашей страны. Ведь вы знаете наш порядок: те, кто весит менее 250 кило, немедленно подлежат высылке.

— Вот уж восемь дней, как я все пробую представить себе дедушку, — проговорила сквозь слезы женщина, — и каждый раз неудача. Спокойной ночи, Зейдельбаст.

И она мгновенно заснула. Уж очень она устала от своих трудов.

— Лев, — закричал вдруг Конрад. — Смотрите! Смотрите! Лев!

Перед одной из кроватей стоял большой

Перед одной из кроватей стоял большой лев...

лев с лохматой гривой и всюду разевал громадную пасть с острыми клыками.

— Ну, конечно, это опять жирный Богмейер, — рассердился Зейдельбаст. — Всегда он предстает себе диких зверей. Это плохо кончится.

Огромный лев подкрался ближе к кровати, выгнув дугой спину и страшно зарычал. Толстый Богмейер побледнел.

— Назад! — закричал он. — Назад ты, грязная скотина, убирайся прочь!

Но лев подползал все ближе и ближе. Вот он уже царапает когтями перину.

— Сгинь... пропади, убирайся... — весь дрожа, бормотал Богмейер.

— Вот видите, — сказал Зейдельбаст, — он со страха забыл даже, что надо просто крикнуть: «Марш-марш назад!» Как бы лев его не слопал, если он вовремя не вспомнит этих слов.

— А ну-ка, я попробую крикнуть это вместо него, — предложил Конрад.

Он готов уж был броситься на помощь Богмейеру, но дядя Рингельхут схватил его за рукав.

— Будешь ты стоять на месте или нет! — прикрикнул аптекарь. — Твои родители мне голову оторвут, если тебя здесь растерзает воображаемый лев!

Зейдельбаст тоже советовал не вмешиваться в эту историю.

— Это совершенно бесцельно, — объяснил он: Богмейер должен сам крикнуть эти слова, иначе они не подействуют.

Между тем лев вспрыгнул на кровать и принялся мять передними лапами круглый живот господина Богмейера, предвкушая удовольствие: в его воображаемой жизни никогда не было такого жирного завтрака.

Он разинул пасть и...

— Марш-марш назад! — вдруг заорал во все горло Богмейер прямо в страшную пасть зверя.

Лев мигом исчез.

— Вы совсем спятили с ума! — сказал Зейдельбаст толстяку. — Если бы мне было не лень, я, право, рассердился бы на вас.

— Я больше не буду, никогда не буду... — хныкал дрожащий Богмейер.

— В наказание запрещаю вам две недели посещать опытную станцию, — строго произнес президент и пошел дальше со своими гостями.

Внезапно дядя Рингельхут почувствовал, что становится все меньше и меньше.

— С ума можно сойти! — завопил он. — Что это со мной?

Глядя на него, Конрад хохотал и подпры-

гивал от удовольствия. Зейдельбаст тоже рассмеялся, но потихоньку, чтобы не слишком утомиться.

А дядя Рингельхут стал уже ростом с Конрада, потом с тростью и, наконец, так уменьшился, что выглядел не больше карандаша.

Конрад нагнулся, поставил своего крохотного дядю на ладонь и сказал:

— Видишь ли, я представил себе, что ты такой маленький, как на той карточке, что стоит у нас на столе.

— Что за шутки! — рассердился дядя. — Сейчас же крикни: «Марш-марш назад!»

Он замахнулся ручонкой, точно хотел дать племяннику тумака.

Зейдельбаст хохотал до слез.

— Ну, и сердитый же ты, крошка, — сказал Конрад и засунул бедного аптекаря в верхний карман куртки.

Рингельхут старался выбраться оттуда, размахивал ручонками и пищал, пока совсем не охрип.

В это время к ним рысью подбежала Негро Кабалло, и Конрад представил ее президенту.

— Очень приятно, — сказали оба.

Лошадь хвалила «страну лентяев» за прекрасный клевер. Эта страна безработной цирковой коняге казалась раем земным. Высказав свое восхищение, она оглянулась и удивленно спросила:

— А где же наш аптекарь?

Конрад молча показал на свой карман. У лошади от изумления чуть было не свалилась с головы соломенная шляпа. Тогда мальчуган рассказал, как дядя стал лилипутом, как они испугались льва и как толстуха Брюкнер представляла себе умершего дедушку.

— Ого, — сказала лошадь, — эту штуку и я, пожалуй, попробую. Пусть у меня на ногах будут роликовые коньки!

Не успела она договорить, как на копытах у нее оказались две пары роликовых коньков, хорошо прилаженных и пристегнутых.

Негро Кабалло ужасно обрадовалась и сейчас же ловко описала две дуги задом наперед, затем большую восьмерку и в заключение сделала пируэт на правой задней ноге. Это было замечательное зрелище! Зейдельбаст заявил, что если бы он не был так ленив, то обязательно захлопал бы в ладоши.

Лошадь сделала реверанс и поблагодарила за лестную оценку своих талантов.

— Дорогой мой, милый мой Конрадхен, — умоляюще пропищал дядя, — вытщи меня, пожалуйста, из кармана.

— Дорогой мой, милый мой дядюшка, — передразнил его племянник, — мне что-то не хочется.

— Нет?

— Нет!

— Ну так хорошо же, — угрожающе произнес Рингельхут. — У тебя на голове сейчас же появится водянка, волосы станут зеленые, нос превратится в пуговицу, а вместо пальцев будут вареные сосиски!

Так и произошло... На голове у Конрада появилась огромная отвратительная опухоль, поросшая ярко зелеными волосами; вместо носа оказалась большая пуговица от пальто, а на руках болталось десять вареных сосисок.

— Вот так чудело! — заржала лошадь, а Зейдельбаст поднес мальчугану зеркало, чтобы тот мог полюбоваться на себя.

Дядя Рингельхут высунулся из кармана и с злорадством стал разглядывать плод своего воображения. Он так хохотал, что чуть было не вывалился на землю.

Теперь уже настала очередь Конрада плакать.

— Неужели оба вы не могли придумать чего-нибудь покрасивее? — проворчал Зейдельбаст. — Ну, а теперь, пожалуйста, кончайте эту игру. Подуррачились и довольны.

Дядя пропищал из кармана «Марш-марш назад», и племянник принял свой обычный вид.

Затем Конрад посадил аптекаря в траву и, утерев слезы, нехотя буркнул:

— Марш-марш назад!..

В один миг Рингельхут стал таким же, как прежде. Он одернул на себе пиджак и поправил галстук.

— Жаль, что я не успел вас сфотографировать, — сказал Зейдельбаст, — уж очень вы оба были хороши!

— Ну что же, давайте собираться, — сказала лошадь и нетерпеливо скребнула роликами по земле.

Они тронулись в путь. Зейдельбаст проводил их до границы.

— Скажите, много у вас в стране свободного места? — спросил на прощанье Рингельхут.

— А что?

— Да вот, в нашей стране много безработных, которым есть нечего, — сказал аптекарь.

— Нет уж от этого вы нас, пожалуйста,

Во дворе стоял старый седобородый рыцарь:

избавьте! — взмолился Зейдельбаст, — ваши парни захотят работать, а этого у нас не полагается.

— Жаль, жаль, — сказала лошадь, и они попрощались.

Дядя с Конрадом уселись на свою роликую лошадку.

Зейдельбаст, чтобы не утомить себя, кивал им одним мизинцем и крикнул на прощанье:

— Помните же, все время прямиком!

Вскоре они увидели огромный средневековый замок. Как и полагается каждому порядочному замку, он был окружен глубоким и широким рвом с водой. Подъемный мост был поднят. На стенах замка было бесчисленное количество зубцов с бойницами и башни, на которых развевались флаги.

— Когда я был еще мальчишкой, у меня была точно такая штука, — сказал дядя Рингельхут. — Правда, мой замок весь помещался на столе, зато у него в окнах была красная глянцевая бумага. Ну, а как же нам туда добраться?

— Надо позвонить, — предложил Конрад.

Лошадь подняла его насмех: разве у средневековых замков бывают звонки!

После долгих поисков они нашли у рва маленькую вывеску. На ней было написано:

*«Замок великого прошлого.
Мост опускается после троекратного
трубного звука»*

— Откуда же нам взять этот троекратный трубный звук? — огорченно сказал дядя. — И зачем только люди так любят формальности.

— Попробовать разве на гребешке? — спросил Конрад и живо вытащил из кармана свой гребешок.

— погоди! — воскликнул Рингельхут. Он сложил ладони рупором, приложил их к губам и протрубил:

— Тру-ту-ту-ту-ту! Тру-ту-ту-ту-ту!
Тру-ту-ту-ту-ту!

Хотя он был только аптекарем, но трубил совсем неплохо.

Подъемный мост загромычал и лег через ров. Лошадь быстро вкатилась со своими седеками в ворота замка.

Во дворе стоял старый седобородый рыцарь в золотой броне, опираясь на огромный заржавленный меч.

Он важно спросил наших путников:

— Откуда вы прибыли, о чужеземцы?

Рингельхут сделал своей тростью «на караул» и сообщил, что они приехали прямо из «страны лентяев».

— А куда же, — спросил бородач, — вы держите путь свой?

— К Южному океану, — сказал Конрад.

— Проезд вам разрешается, — сказал, подумав, раззолоченный старец. — Только сообщите мне свои имена.

Дядя Рингельхут назвал себя и своих спутников.

— А я, — сказал старик, — вероятно, известный вам по истории император Карл Великий.

— Мое почтение, — сказал дядя. — А теперь поменьше лишних слов, дорогой Карл Великий, и скажите нам просто, как нам дальше ехать?

Император поглядел свою длинную бороду и недовольно проворчал:

— Поезжайте все время прямо.

Вход на свой риск

Они ехали по белым холмам дюн.

Песок набился в ролики, они невыносимо визжали. Дядя зажал уши.

— С ума можно сойти! — кричал Конрад, передразнивая дядю.

Но тот ничего не слышал.

Наконец, они добрались до моря. Оно было яркосинее и казалось беспредельным.

Друзья в раздумье остановились на берегу. Лошадь не умела плавать и неуверенно предложила вернуться домой. Но дядя с племянником и слышать об этом не хотели.

— Морей без лодок не бывает, — уверял Рингельхут, — надо только поискать.

И Негро Кабалло заскрежетала на своих роликах по морскому берегу.

Лодки они не нашли, но вскоре увидели поразительную вещь: от берега уходила в море стальная полоса метра в два шириной. Она была похожа на дорожку лунного света в воде и скрывалась где-то за горизонтом.

На стальной дорожке, неподалеку от берега, виднелась фигура женщины. Она скребла дорожку щеткой.

— Что это вы там делаете? — крикнул ей дядя.

— Чищу экватор, — отозвалась она.

— Как! — воскликнул Конрад. — Это и есть экватор?

— А зачем вы его чистите? — спросила лошадь.

— У нас тут три дня подряд бушевал шторм, — ответила уборщица. — Волны хлестали через экватор, и он заржавел. Вот я и чищу его. Если ржавчина раз'ест экватор, он может лопнуть, и тогда земной шар разлетится на куски.

— Так вам лучше всего покрасить этот экватор масляной краской, — посоветовала лошадь, — тогда уж он не заржавеет.

— Нет, немножко-то все-таки он должен ржаветь, — возразила женщина, — а то я останусь без работы.

— Тогда извините, — смутилась лошадь.

— Ничего, ничего, — ответила уборщица и снова принялась за работу.

Дядя Рингельхут приподнял шляпу, чтобы привлечь внимание уборщицы.

— Если вам нетрудно, скажите, пожалуйста: как скорее всего попасть на Южный океан?

— Пожалуйста, сюда, на экватор, а потом поезжайте напрямиком, — крикнула женщина.

— Благодарю вас, — сказал дядя.

— Ну, марш вперед, быстроногий мустанг! — закричал Конрад вне себя от восторга.

У лошади мороз пошел по коже.

— Как? По этой жестянке? — испуганно спросила она. — А если нас захватит шторм? Тут нам сразу будет калут! Знайте, что вы будете отвечать! Ведь с тех пор, как меня уволили, я нигде не застрахована...

— Но, двигайся, двигайся, старая кляча! — закричал дядя, забыв все правила вежливости.

Лошадь с грохотом прыгнула на экватор, ловко миновала уборщицу и покатила на своих роликах в сторону Южного океана. Экватор колыхался. Берег исчез из виду. Вокруг себя они видели только яркосинее море, а впереди — стальную дорожку.

Порой небольшая волна переплескивала через экватор. Тогда лошадь скользила по мокрой стали, а седоки вскрикивали от страха, и каждый думал про себя:

«Ну пришел нам конец!»

Вдруг они увидели объявление, на котором было написано: «Просят акул не дразнить», — тут душа у них совсем ушла в пятки.

В воде кишели стада акул-людоедов. То там, то здесь показывались из воды эти чудовища величиной с подводную лодку. Они высовывали свои свирепые морды и раскрывали челюсти, точно зевая. Они, видимо, были очень голодны.

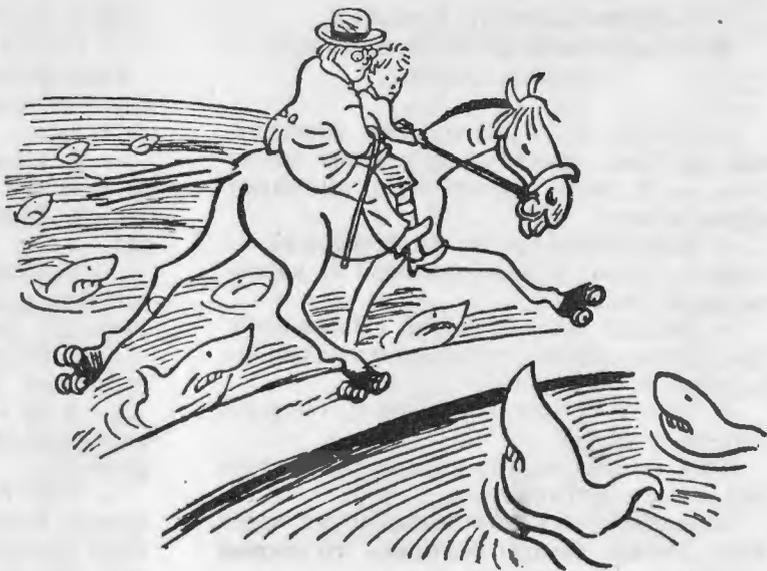
— Не сойдет нам это с рук, — бормотал перепуганный дядя.

— Господин аптекарь, — насмешливо сказала лошадь, сообразив, что главная опасность угрожает не ей, — а рыбки-то, кажется, целятся на ваше брюшко: они чуют, где лакомый кусок!

— Что за наглость! — обиделся за аптекаря Конрад. — У моего дяди нет никакого брюшка. Зарубите это себе на носу!

— Молодчина, — похвалил дядя Рингельхут племянника. — А если вы, — обратился он к Негро Кабалло, — утверждаете, что получили гимназическое образование, то знаете, могли бы...

В это мгновение одна из акул вынырнула из воды, подпрыгнула в воздухе и бро-

В воде кишели стада акул-людоедов.

силась на Рингельхута. Но Конрад изо всей силы ударил ее в нижнюю челюсть носком башмака, и акула шлепнулась в море, с расшибленной челюстью.

После этого акулы больше не появлялись, и наши путешественники успокоились.

— Если бы ты даже и не был моим племянником, — сказал растроганно дядя, — то ты заслужил право им называться.

— Больно уж вы щедры на похвалы, — с'ехидничала лошадь.

— Нечего смеяться! — закричал дядя. — Мой племянник — способнейший мальчик и вполне заслуживает похвалы!

— По правде сказать, — заметил Конрад, — я предпочел бы получить от тебя одну марку. Я как раз коплю на модель паровой машины.

— Что за жадный мальчишка, — проворчал Рингельхут. — Ведь после моей смерти все тебе останется.

— Тогда уж, пожалуй, ему будет поздно играть с паровой машиной, — подтрунивала лошадь.

Что оставалось делать бедному дяде? Пришлось раскошелиться...

— Авось, еще одна акула нацелится на тебя, — заметил Конрад, — тогда, пожалуй, я еще одну марку заработаю.

Но акул больше не было.

— Какой у тебя скверный характер, —

вздыхнул Рингельхут. — Но тут уж ничего не поделаешь. Это у нас в роду...

До Южного океана было уже недалеко. С обеих сторон экватора появились коралловые рифы и острова, поросшие пальмами.

Вдали показался берег, покрытый девственным лесом.

Лошадь понеслась как скорый поезд. Экватор качался, и с Негро Кабалло началась морская болезнь.

Наконец, она почувствовала под ногами твердую почву.

Между двумя эвкалиптовыми деревьями висели гирлянды, сплетенные из лиан. На гирляндах висел плакат:

«Южный океан. Западные ворота.

Вход на свой риск.

Претензии не принимаются.

Жалобы не рассматриваются».

Робко проехали они под гирляндами и очутились на прекрасной поляне, усеянной цветами и окруженной пальмами. К ним подбежала горилла, вежливо подала руку, но сейчас же повернулась к пальмам.

В ту же минуту раздался оглушительный концерт.

Завизжали на пальмах обезьяны, затараторили попугаи, держа между пальцами листы нот. Какой-то слон обвил хоботом ствол пальмы и так тряс ее, что сверху с треском сыпались кокосовые орехи.

Горилла размахивала в такт своими длинными руками, дирижируя этой адской музыкой.

Вдруг все смолкло.

Горилла обернулась к путешественникам и улыбнулась.

— Большое спасибо, госпожа обезьяна, — поблагодарил дядя. — Это было очень мило с вашей стороны.

Конрад соскочил на землю, подбежал к горилле и дружески хлопнул ее по волосятому плечу.

— Когда я расскажу об этом Оберлендеру, он лопнет от зависти, честное слово!

— Что за глупости ты говоришь, — перебил его дядя. — Почему эта обезьяна знает, кто такой твой Оберлендер?..

— Ну как же?! Ведь Оберлендер — наш первый ученик! — удивился Конрад.

Но горилла несколько не заинтересовалась первым учеником. Она бросилась на верхушку пальмы — и только ее и видели.

Остальные обезьяны кинулись за ней.

Слон важно отвесил гостям три поклона

и убрался восвояси. Из первобытного леса долго еще доносились хруст и треск деревьев под его ногами.

— Ну, поехали, — сказал, наконец, дядя.

И они отправились в глубь страны, следуя за стайей маленьких пестрых колибри, сверкавших всеми цветами радуги. Птички порхали перед ними, показывая путь.

— Поглядывай по сторонам, паренек, да запоминай, — посоветовала лошадь, — чтобы можно было потом похвастать своим сочинением.

Дядя же предложил еще и записывать:

— Помни о том, что сочинение должно быть готово к завтрашнему дню.

Но Конраду было не до этого. Он с любопытством оглядывался вокруг. Повсюду кипела жизнь. Пышные райские птицы тяжело перелетали с дерева на дерево, потешные маленькие папиры высорывали из кустов свои длинные мордочки, порхали разноцветные бабочки, величиной с ладонь, ползали жуки, носороги, проносились по воздуху летучие собаки, важно расхаживали золотые павлины, на камнях грелись змеи, похожие на перекрученные пожарные кишки.

Но всего удивительнее было стадо кенгуру, которое расположилось в тени бананового дерева. Самцы кенгуру играли в карты, самки вязали носки. В их сумках лежали клубки шерсти. Там же была еда и торчали бутылки с молоком для маленьких кенгурят, которые играли тут же, в траве, очищали кожуру с бананов и прыгали через натянутую веревку. Вдруг самки кенгуру похватили своих детенышей, запрятали их в сумки и поскакали. За ними последовали и перепуганные самцы, бросившие свои карты.

— Что за история! — воскликнул дядя. — Скажите, на милость, почему...

Он не договорил и выкатил глаза от ужаса. На поляне появились три громадных тигра.

Тигры расправили усы, выгнули спины, присели и готовы были прыгнуть на него. Тогда дядя Рингельхут вскинул свою трость как ружье, зажмурил левый глаз и прицелился.

Тигры испугались. Самый большой вытащил из кармана белый платок и помахал им.

— Сдаетесь? — закричал Конрад.

Тигры покорно склонили головы.

— Ну, так убирайтесь отсюда, живо! — крикнул дядя. — Или я вас всех перестреляю!

Звери бросились в лес.

— Марш-марш назад! — заржала лошадь.

В то же мгновение она ударилась о землю всеми четырьмя копытами.

Роликовые коньки исчезли.

— Ах, чорт возьми! — воскликнула лошадь. — Куда же девались мои ролики?

Дядя пожал плечами. А Конрад сказал:

— Что у вас память отшибло? Забыли про «страну лентяев»?

— Ах, да! — вспомнила Негро Кабалло. — Ну что же, пожалуй, так и лучше. К чему лошади роликовые коньки? В конце концов это неестественно!

И она пустилась галопом как самая обыкновенная лошадь.

Вскоре после этого они познакомились с маленькой Пеструшкой.

Это случилось так:

Они слышали детский плач. Он доносился из лесу. Дядя с племянником слезли с лошади и осторожно вошли в глубь девственного леса.

Аптекарь, правда, далеко не зашел. Он споткнулся о корень.

— Ой, моя бедная мозоль! — завопил он, сел на землю и стал гладить ногу.

Но он попал из огня да в полымя, усевшись прямо в муравейник. А ведь полинезийские муравьи величиной не меньше майского жука. И их муравьиная кислота жжет почти как соляная.

Конрад тем временем храбро перелезл через стволы упавших деревьев и продирался сквозь вьющиеся растения. Он шел в сторону, откуда доносился плач, и в конце концов очутился под каучуковым деревом. Высоко на суку сидела маленькая девочка, жевала ананас и ревелла.

— Что с тобой? — крикнул Конрад.

— Его нет? — спросила девочка.

— Кого это?

— Кита, — закричала она.

— Чего ты так кричишь? — спросил Конрад.

Она слезла с дерева, встала перед Конрадом и крикнула:

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать? Ведь я принцесса. Меня зовут Пеструшкой!

Конрад от изумления рот раскрыл: девочка, которую звали Пеструшкой, была вся в черных и белых квадратиках.

— Да на тебе можно в шахматы играть, — наконец произнес он.

Она оторвала ему кусок ананаса и сказала:

Высоко на суку сидела маленькая девочка, жевала ананас и ревелла.

— Мой папа — знаменитый чернокожий вождь на Южном океане, а мама — из Голландии. Она раньше была машинисткой на ферме кокосовых орехов. Вот я и получилась в черную и белую клеточку. А что, это очень некрасиво?

— Не знаю, мне нравится, — засмеялся мальчик и добавил. — А меня зовут Конрадом.

Пеструшка сделала реверанс.

Конрад пожал ей руку и спросил:

— Отчего же ты боишься кита? Ведь кит живет в море!

— Ах, ты ничего не понимаешь! — воскликнула она. — Ведь киты млекопитающие. В воде они живут только по ошибке! Вдруг в чаще что-то затрещало.

— Это он! — в ужасе закричала Пеструшка и схватила Конрада за руку.

Они стрелглаз побежали к дороге. Дядя Рингельхут старался от них не отставать.

Лошадь спокойно занималась гимнастикой и очень удивилась, когда увидела испуганных и запыхавшихся беглецов.

— Вас нельзя больше пускать одних в лес, — проворчала она. — Кого это вы притащили?

— За этой девочкой гонится кит, — сказал Конрад. — Он сейчас догонит нас!..

— Вот это мне нравится, — недоверчиво сказала лошадь. — Ведь рыбы живут в воде.

— Так ведь киты вовсе не рыбы! — воскликнул Конрад.

Пеструшка опять заревела. Конрад дал ей за это тумака.

— Почему же он за тобой гонится? — спросил Рингельхут.

— Ах, — всхлинула она, — я показала ему язык. Вот он и обиделся. Ай! Вот он! Вот он!

Из чащи показалось ужасное чудовище. Пальмы как спички с треском ломались под ним. Оно было похоже на надутый дирижабль и широко раскрывало пасть.

Дядя Рингельхут на всякий случай прицелился палкой и заорал:

— Руки вверх! Стрелять буду!

Но кит не обратил на это никакого внимания. Он подползал все ближе и ближе.

Конрад храбро встал между Пеструшкой и китом.

В это мгновение слабо щелкнули два выстрела. Кит повалился на бок, громко чихнул, повернулся и исчез в чаще.

Дядя Рингельхут вытер пот со лба и с яростью обернулся к племяннику:

— А все из-за твоего дурацкого сочинения! Уж и выругаю я твоего учителя!

Лошадь с трудом перевела дух.

— Но кто же это стрелял? — спросила она. — Слушайте-ка, аптекарь, может быть ваша палка была все-таки заряжена?

— Это я стрелял! — сказал кто-то сзади.

Все обернулись. Перед ними стоял коричневый человек. Все тело его было сплошь татуировано, а вокруг пояса висел фартук из пальмовых листьев.

— Я здешний начальник «Вороний клюв», или иначе «Спешная почта». Здравствуй, Пеструшка!

Он пожал руку девочке, потом и остальным.

— Это становится любопытным, — сказал дядя. — Но чем же вы стреляли, господин «Воробьиный клюв»?

— Не воробьиный, а вороний, — настойчиво сказал начальник.

— Пусть так, — согласился дядя. — По мне хоть павлиний. Так чем же это вы

Из чащи показалось ужасное чудовище

стреляли, господин «Вороний клюв»? Уж очень странный звук у вас получился!

— Горячими печеными яблоками, — объяснил «Вороний клюв». — Я хотел только погугать кита. Рад, что мог оказать вам небольшую услугу.

— Горячими печеными яблоками? — переспросил Конрад. — А где же ваше ружье?

— Никакого ружья у меня нет, — ответил «Вороний клюв». — Я действую перочинным ножом.

— Вот оно что! — сказал Рингельхут. — Во всяком случае большое вам спасибо.

— Ну стоит ли говорить о таких пустяках, — заметил «Вороний клюв». Он покровительственно кивнул им головой и скрылся в лесу.

Пеструшка привела путешественников к своим приятелям — дикарям, жившим на берегу пресноводного озера в хижинах, построенных на высоких сваях.

Туземцы были татуированы и увешаны тяжелыми коралловыми ожерельями. Единственной их одеждой были фартуки.

Лошадь заявила, что это общество ее, несколько не интересуется и затрусила рысцой к полю сахарного тростника, видневшемуся неподалеку. Она наелась доотвалу, и кроме того встретила там маленькую белую лошадку. С ней она быстро подружилась.

Дикари как могли развлекали Рингельхута и его племянника. Они плавали и ныряли, показывая в воде невероятные фокусы.

Потом дядю, как почетного гостя, обязали поверх пиджака фартуком из паль-

жовых листьев. Женщины хохотали до упаду, глядя на него.

Молодежь устраивала гонки на выдолбленных лодках, ловила багром форелей и накидывала лассо на птиц.

Вслед за тем был банкет. Меню состояло из самых необыкновенных блюд:

Рагу из комаров.

Плавники акулы в рисовой водке.

Копченые змеиные языки.

Салат из сахарного тростника.

Перед ними стоял коричневый человек

Котлеты из кенгуру.

Пюре из улиток.

Крем из кокосовых орехов.

Вождь племени извинился, что не может угостить своих гостей ничем особенным.

— Конечно, хорошо поджаренная челювечина вкуснее змеиных языков, — сказал он извиняющимся тоном, — но, к сожалению, мы как раз вчера dokonчили последнего пленника. А пока нам удастся поймать парочку из соседнего племени, остальные блюда остынут...

— Ничего, ничего, — утешал его дядя.

— Челювечину я как-то не очень хорошо перевариваю, а доктор прописал мне диету. Они приступили к еде.

— Теперь сам, небось, видишь, как по-

лезно закалять желудки, — шепнул дядя Конраду. Но все-таки после пюре из улиток его чуть не стошнило.

Конрад разговаривал с Пеструшкой и очень огорчился, когда девочка собралась уходить. Он упрашивал ее посидеть еще хоть минутку, но Пеструшка распростилась и убежала домой.

— Не горюй, сынок! — сказал Рингельхут. — Ешь хорошенько!

Но у Конрада и аппетит пропал.

Однако уже было пора и в обратный путь.

Они поблагодарили за гостеприимство и отправились к сахарному тростнику за Негро Кабалло. Она мирно беседовала там с белой лошадкой.

— Друзья мои, — сказала она, — пожалуйста, не сердитесь на меня, но я остаюсь здесь. Сахарный тростник — вкусная, питательная вещь. Кроме того я собираюсь жениться на этой лошадке. Посмотрите на нее — разве она не хороша? Я хочу, наконец, обзавестись семьей. Я не хочу больше знать ни цирка, ни роликовых коньков и вообще ничего, что напоминает Европу. Довольно! Я не скажу больше ни слова по-челювечи. Разговаривать — это не лошадиное дело. Назад, к природе!

— Пожалуйста, без фокусов! — закричал на нее дядя. — Это еще что за штуки?

Негро Кабалло молчала.

— Будешь ты отвечать, нелепая тварь? — заорал на нее аптекарь.

— Дядя, — остановил его Конрад, — ведь она решила больше не разговаривать. Если она уж так хочет жениться на этой лошадке, не будем мешать их счастью.

Лошадь с благодарностью поклонилась ему. Но Рингельхут продолжал бесноваться:

— С ума можно сойти! К чему этой кляче жениться? Я ведь вот тоже холостяк! И детей у меня нет!

— А я-то на что? — возразил Конрад, — раз у тебя такой племянник, тебе своих детей и не нужно.

— Ну, смотрите! — обратился дядя к Негро Кабалло: — от вашего брака получатся жеребята сплошь в клеточку. Одна Пеструшка за другой! Нет, вы серьезно не хотите идти с нами?

Лошадь отрицательно покачала головой.

— Чтобы вы себе все ноги переломали. А еще лошадь называется! Вы не лошадь, а осел!

Негро Кабалло поклонилась.

— Налево, кругом — марш! — сердито скомандовал дядя, схватил Конрада за руку и потащил за собой.

— Большое вам спасибо за все! — крикнул мальчуган, оглянувшись.

Негро Кабалло и белая лошадка высоко закинули головы и заржали дуэтом.

— Не в ногу идешь! — сердился Рингельхут.

Это была явная придирка. Просто он злился на измену Негро Кабалло.

Они брели через лесную чащу. Вдали рычали дикие звери. Павлины бросали в них кокосовые орехи. А лесу, казалось, конца не было. Чтобы не так страшно было, они затянули песню.

Дядя взглянул на часы и воскликнул:

— Ого! Без десяти семь! Если мы не доберемся сейчас до шкафа, ты опоздаешь к ужину.

— И сочинения не успею написать, — добавил мальчуган.

Они спели еще одну песенку, и дядя опять взглянул на часы.

— Если сейчас не произойдет чуда, — с грустью сказал он, — мы можем со спокойной совестью остаться здесь и предложить себя ближайшему племени на праздничное жаркое...

— А кто вам сказал, что не будет чуда? — раздался голос за их спиной.

Они обернулись. Невдалеке стоял «Вороний клюв», он же «Спешная почта», и улыбался.

— Вы уж однажды выручили нас из беды, — сказал дядя Рингельхут, — не устройте ли вы чего-нибудь насчет моего шкафа, дорогой «Спешный клюв»?

— «Спешная почта», — невозмутимо поправил чернокожий.

Потом пробормотал:

«Трижды восемь — сорок восемь.

Сорок восемь — пятью пять.

Мы сейчас его попросим

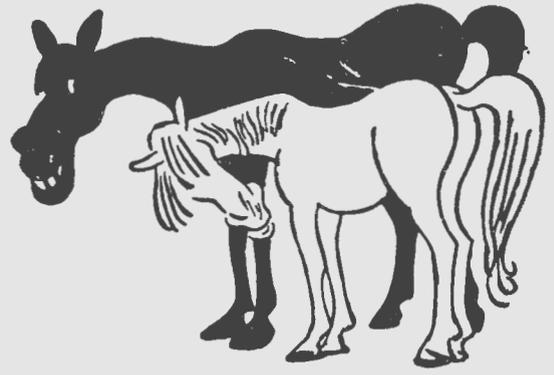
Возвратиться к нам опять!»

Он хлопнул в ладоши и... перед ним, в чаще девственного леса, среди пальм и кактусов, очутился старый дядюшкин шкаф.

— Вот уж спасибо, так спасибо! — в восторге воскликнул Конрад, но «Вороний клюв» уже скрылся за деревьями.

— Ну и шельма же этот парень! — сказал дядя. — Но все же он очень услужлив.

Он втолкнул мальчугана в открытую заднюю стенку шкафа и сам поспешно полез вслед за ним.

Негро Кабалло и белая лошадка заржали дуэтом

Сделав шаг в темноте, они открыли двери и... очутились в коридоре дядиной квартиры на Иоган-Мейерштрассе!

Начинало смеркаться, и Конрад зажег свет. Он надеялся найти возле шкафа хоть веточку девственного леса. Но вокруг были только стены, оклеенные обоями.

Дядя снял с себя фартук из пальмовых листьев и повесил его на гвоздик в шкафу.

— Ну, бездельник, съешь домой! — обернулся он к Конраду. — Привет родителям. Да скажи им, что я забегу после ужина. Пусть поставят на лед кружки две пива!

Мальчуган схватил свои школьные тетрадки, заявил, что все это вышло очень здорово, на ходу чмокнул дядю в щеку и убежал.

— Ну, ну, — проворчал растроганный холостяк. Даже поцелуи поехали! Это уж как-то не по-мужски...

Он выглянул из окна. Конрад в это мгновение как раз выскочил на улицу и взглянул кверху. Они с улыбкой кивнули друг другу.

Аптекарь привел в порядок комнату, убрал валявшийся на полу тюфяк и тарелки со стола. Потом вышел в коридор, с любопытством заглянул в старинный шкаф и покачал головой. Фартук из пальмовых листьев исчез! И задняя стенка шкафа была на месте!

Старинный шкаф стоял у стены так же, как он стоял там уже много лет. Дядя еще раз покачал головой.

— Так-с, а теперь после трудов праведных выкурим сигарку, — пробормотал он и направился в комнату, напевая вполголоса:

«Мы не будем верить,
Кто не верит — наплевать!»

Не верите, ну и пусть!

Когда Рингельхут пришел к родителям Конрада, мальчик уже спал.

— Что вы сегодня вытворяли? — спросила мать Конрада.

— А разве он ничего не рассказывал? — удивился дядя.

— Да, ничего, — ответил отец. — Мальчишка совсем от рук отбился...

— Ну, ладно, — сказал дядя Рингельхут. — А дадут мне, наконец, пива или нет?

Мать Конрада налила ему стакан и потом опять спросила:

— Нет, все-таки, каких глупостей вы натворили?

— Ого! — сказал дядя, — сегодняшний день прошел очень занятно. — Какая-то лошадь спросила нас на Глассисштрассе, нет ли у нас сахара. У нас не было. И можете себе представить? Она заявила потом ко мне на квартиру. Потом мы были у толстяка Зейдельбаста. Он учился раньше в одной школе с Конрадом, а теперь стал президентом в «стране лентяев». Там, знаете ли, удивительные деревья! На них растут готовые пироги. Потом мы поехали на Южный океан. Я до сих пор понять не могу, как это мы вовремя вернулись!..

Родители Конрада с ужасом переглянулись.

Отец серьезно сказал:

— А ну, покажи язык.

А мать сказала:

— Тебе нужно положить холодную прищечку на голову.

— Еще стакан пива, вот что мне нужно, — ответил дядя, — да, пожалуйста, поживей, нето я буду пить прямо из бутылки!

— Ну нет, брат, — воскликнул отец

Конрада, — больше ты не получишь ни капли!

— Почему ты от меня скрыл, что в вашем роду есть сумасшедшие? — с упреком сказала мать Конрада своему мужу.

— А что, затылок у тебя не бьлит? — спросил брат у аптекаря. — Мальчуган очень шалил после обеда? Тебе надо быть с ним построже.

Дядя Рингельхут налил себе полный стакан пива, выпил его залпом и сказал:

— С вами сегодня каши не сварить. Вы слишком стары для своего возраста!

— Еще чего! — воскликнул брат. — Он еще смеет делать нам выговоры! Это не мы слишком стары, а ты слишком молод!

— Ах, вот как? — воскликнул дядя Рингельхут. — Ну, ладно, будьте здоровы! Я только загляну к мальчику, посмотрю, как он спит.

— И, пожалуйста, не дури, — сказал брат.

— Оставь ты меня в покое! — закричал дядя, а то я сейчас же притащу нюхательного табаку и взорву вас на воздух. Ну, а пока честь имею!

И, церемонно поклонившись, он направился в комнату Конрада.

Бесшумно повернув выключатель, он на цыпочках подкрался к кровати.

Мальчик крепко спал. Но вдруг он заворочался, усмехнулся во сне и пробормотал:

— Ну, полезай в карман, карапуз!

— Ах ты плут, — прошептал дядя. — В следующий раз я превращу тебя в таракана.

Потом он оглядел комнату. На столе тетрадка с надписью «Домашние сочинения». Он взял ее и стал перелистывать, пока не нашел того, что искал.

ЧТО Я ВИДЕЛ НА ЮЖНОМ ОКЕАНЕ

По четвергам всегда очень весело. Потому что я прихожу к дяде. По четвергам он свободен. Он аптекарь, и фамилия его Рингельхут. Такая же, как у меня. Потому что он мой дядя.

Сегодня опять был четверг. И я ему сказал, что должен написать сочинение о Южном океане. Потому что я хорошо знаю

математику, но у меня нет воображения. А он сказал, что просто надо туда съездить.

Мне очень понравилось, что он так сказал.

Ну, мы и отправились. Сперва в старый шкаф в коридоре. Потом в «страну лентяев», потом в замок с умершим королем. Много было интересного. Мы ехали на ло-

шади, которую встретили на Глассисштрассе и кормили сахаром и которая на роликах. Я думал, что экватор совсем другой, а мы прокатили по нему через море на остров в Южном океане.

Со всех сторон тоже были острова. И коралловые рифы, из которых делают красивые ожерелья. И акулы, которые хотели слопать дядю. Потому, что у него толстый живот. Я дал акуле по морде, а дядя мне за это дал марку. Я скопил уже четыре марки на паровик.

Потом обезьяна дирижировала. Особенно смешно получалось с тремя тиграми. Дядя хотел выстрелить из палки. Они испугались, замахали белым платком и убежали в лес. Больше всего мне понравилась Пеструшка. Это маленькая девочка. Она вся разрисована черными и белыми квадратиками. Она плакала потому, что за ней гнался кит. Ведь киты млекопитающие и в воде живут по ошибке. Пеструшка показала ему язык, вот он и рассердился. «Вороний клюв» был там начальником. Он выстрелил в кита печеными яблоками из перочинного ножика и прогнал его. Потом мы обедали. Нас хотели угостить жареным человеческим мясом. Только не нашли его в кладовой. Но и без того там были противные вещи. Комары, змеи, улитки. Дядю чуть не тошнило, а я — ничего. Жалко, что наша лошадь осталась там. Ей понравился

сахарный тростник и маленькая белая лошадка.

Дядя сказал, что скоро семь часов и, если мы не найдем старый шкаф, нам придется остаться и нас изжарят. Тогда опять появился «Вороний клюв» и наколдовал нам шкаф.

Мы в него залезли и очутились на дядиной квартире.

Дядя сказал, чтобы я скорее шел домой, а то будет скандал. Папа и мама ничего не заметили, потому что я не опоздал к ужину. А у нас это самое главное.

А потом я сел писать это сочинение.

Без дяди я ничего не смог бы сделать. У нас в семье все очень способные. Это уж у нас в крови. Дядя тоже так сказал.

Вот и все. Было еще много чего, но как раз, когда нужно, половину забываешь.

А кто этому не поверит, ну и пусть!

А то спросите моего дядю. Он вам скажет.

Дядя Рингельхут осторожно положил тетрадку на место, подошел к кровати, погладил спавшего мальчугана по голове, подкрался на цыпочках к двери, обернулся еще раз и прошептал, выключая свет.

— Спи спокойно, сынок!

А ведь Конрад был ему только племянником.